

Труж. - 1991 - 15 суб

СЕГОДНЯ—100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

ПОДЛИННЫХ поэтов всегда было мало. Они, избранные Музы, рождались под таинственной звездой: на радость людям, на горе правителям и себе на мучения. Жизнь Осипа Эмильевича Мандельштама, чье столетие нынче отмечается во всем просвещенном мире, стала очередным и очень горьким подтверждением этих мыслей.

Мне не дает покоя одна любопытная историческая параллель. В 1820 году в альманахе «Невский зритель» появилась гневная сатира никому не ведомого Кондратия Рылеева «К временщику», направленная против графа А. А. Аракчеева, прискорбно известного, втершегося в доверие к Александру I. Читатели были уверены, что Рылееву не миновать Сибири, но все обошлось: всесильный временщик счел за благо не заметить себя в нарисованном портрете...

Сталину в 1934 году это было сделать трудней: Осип Мандельштам решил обойтись без иноказаний. Поэт не мог рассчитывать на публикацию своего стихотворения и потому дал его скопировать людям из близкого окружения. Те — еще кому-то... пока очередным копиристом не оказался стукач.

Сочинитель отдался тогда сравнительно легко — тремя годами административной высылки из Москвы. Неужели «вождь и гений» оказался в глубоком шоке? Он уже привык к безудержному потоку од и славословий. И вдруг:

Мы живем, под собою не
чуя страны,
Наши речи за десять
шагов не слышны.
А где хватит на
полразговорца,
Там припомнят кремлевского
горца.
Его толстые пальцы, как
черви, жирны,
И слова, как пудовые гири,
верны.
Тараканы смеются
глазница,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд
тонкошеих вождей.
Он играет услугами
полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит,
кто хнычет,
Он один лишь бабачит
и тычет.
Как подкову дарит за указом
указ —
Кому в пах, кому в лоб,
кому в бровь, кому
в глаз,—
Что ни казнь у него—
то малина
И широкая грудь осетина.
«Кремлевский горец» мог
действовать по привычной
схеме: растоптать обидчика, обра-
тить в лагерную пыль, в прах,
но он предпочел вить августей-
шую милость: попытался смяг-
чить удар по своей репутации,
не допустить большого шума
вокруг этого «дела». По сути,

генсек пошел по стопам Аракчеева.

Три года (1934—1937) опальный О. Мандельштам вместе с женой Надеждой Яковлевной, преданной подругой на протяжении всей его скитальческой жизни, провел в Воронеже на положении поднадзорного. Он должен был регулярно отмечаться в управлении НКВД и без разрешения следователя не имел права покидать город, даже если речь шла о поездке в недалекий сельский район в редакционную командировку. Супруги нищенствовали, снимали углы в чужих квартирах. О Мандельштаме давно не печатали,

московскими журналами кончались неудачей.

И все же Воронеж одарил Мандельштама несколькими сердечными встречами. Выдворенный из Ленинграда за дворянское происхождение молодой филолог Сергей Рудаков стал постоянным и очень чутким собеседником. Профессор педагогического института Павел Леонидович Загоровский, сам грешивший сочинительством, невзирая на риск для собственной репутации, часто навещал чету Мандельштамов. Но более всего радости доставляла учительница Наташа Штемпель.

Я хорошо знал Наталью Ев-

ту. Специально для супругов Мандельштам он давал сольные мини-концерты, извлекая из своей деревянной трубки щемящие мелодии Баха, Шуберта и других классиков.

Как-то раз педантичный Карл Карлович не пришел на репетицию: арест... Осенью 1935 года цвет воронежской культуры — певцы, композиторы, оркестранты — был выполот, обвинен в создании... подпольной фашистской организации.

Я видел в архиве областного управления КГБ это двухтомное следственное дело № 3654, сфабрикованное бравыми чекистами. По нему проходило четырнад-

«МОРОМ СТАЛА МНЕ МЕРА МОЯ»

удавалось лишь подработать в драматическом театре, где ему дали должность завлитчастью, да нештатным сотрудничеством в газете и облрадиокомитете. Ежели обстоятельства подпирали, приходилось жертвовать книгами: их сдавали букинисту, который, к счастью, в продажу тома не пускал и охотно возвращал хозяину, когда у того заводились деньги.

В таких условиях музе впору отвернуться от художника. Но нет, огонь вдохновения, единожды опалив душу, уже не покидал поэта. Цикл стихов, составивших так называемые «воронежские тетради», пожалуй, самое значительное из творческого наследия О. Мандельштама. Его стихи, как лекарство, нельзя «принимать внутрь» большими порциями, их надо вкушать маленькими глотками, смакуя, точно выдержанное в подвалах вино. Надо постараться принять и понять сложный, извилистый ход поэтической мысли.

О. Мандельштам всегда нуждался в заинтересованных слушателях. Каждое стихотворение ему непременно хотелось на ком-то «проверить», попробовать, но где найти аудиторию ссыльному? Местные писатели сторонились, а при случае не брезговали откровенной травлей, обвиняя своего коллегу в принадлежности к «троцкистской банде». Празда, забегали к Мандельштаму поболтать боготворившие его актеры, но в нужную минуту, как водится, никого рядом не оказывалось. А потребность в сопереживании была столь настоятельна, что поэт готов был читать стихи типографским наборщиком, и иногда в качестве неожиданного гонимого получал от них пакетик с едой. Стихи читал даже своему следователю из НКВД. Все попытки связаться с

геневну и еще в застойную глухую пору организовал в нашей областной библиотеке ее выступление. В актовом зале набилось людей — яблоку негде упасть. Воронежские партийные бонзы в те годы наложили вето на любое публичное упоминание крамольного имени. И потому выступление Н. Е. Штемпель стало вызовом всему местному «генералитету». Вообще это была смелая русская женщина, сродни тем, кого воспел еще Некрасов. В жуткие дни 1936—1937 годов, куда вокруг шли повальные обыски и аресты, она не побоялась водить Мандельштамов к себе домой, где их частенько подкармливала.

Н. Е. Штемпель оставила очень содержательные записки «Мандельштам в Воронеже», из которых ясно, что многие стихи воронежского цикла, несмотря на кажущуюся отрешенность, крепко привязаны к земным реалиям. Ну, вот, к примеру, доносится из апреля 1937-го: А флейтист не узнает покоя: Ему чудится, что он один, Что когда-то он море родное Из сиреневых вылепил глиня... Вслед за ним мы его не повторим, Комья глины в ладонях моря, И когда я наполнился морем— Мором стала мне мера моя... Какая тревожная, гнетущая нота разлита в стихах, каким предощущением беды дышит каждая метафора...

В Воронеже Осип Мандельштам был завсегдагдем филармонии, размещавшейся в старинном здании. Он ходил не только на концерты, но и на репетиции оркестра: нравилось наблюдать, как из многоголосых инструментов рождается гармония. Среди оркестрантов завелись знакомцы. Ближе других был Карл Карлович Шваб, смиренный, законопослушный немец, трепетно влюбленный в свою флей-

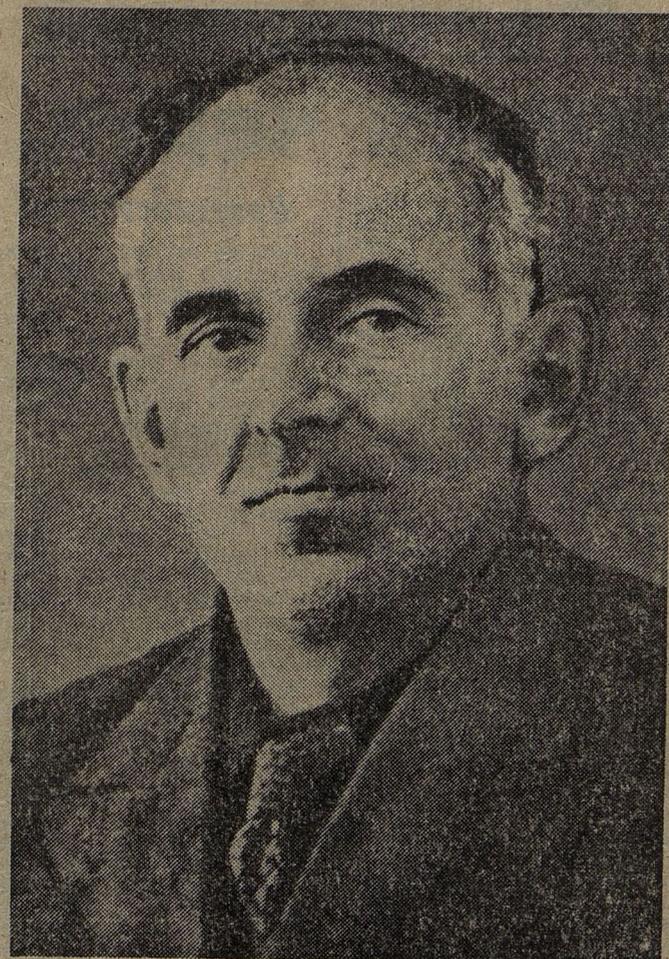
цать человек. Бедный Карл Карлович Шваб шел номером третьим, был как бы одним из руководителей вредительского гнезда. Остались в память о нем стихи Осипа «Флейты греческой мята и йота» — своего рода памятник: 5 лет лагерного заключения и последующее поражение в гражданских правах не давали флейтисту никакой надежды.

По окончании собственного срока О. Мандельштам вернулся в Москву. Зачем он так поступил? Зачем приблизился к логову им же потревоженного зверя? Может, сознавал, что при надобности отыщут везде — беги не беги? Спустя год О. Мандельштама бросили в Бутырку и как «казру» («контрреволюционеру») дали пять лет исправтрудлагеря. В пересылке под Владивостоком Мандельштам, не доехав до Колымы, умер.

Авторитарный режим не только физически уничтожил О. Мандельштама, но и садистски преследовал саму его мученическую тень. В течение многих десятилетий издание произведений поэта было запрещено. Но еще не придумано оков для настоящего искусства. Как тайком переписывались в прошлом веке творения казенного Кондратия Рылеева, так ходили по рукам машинописные копии сочиненных в ссылке стихов Мандельштама.

И сегодня в день рождения поэта в моем Воронеже на доме, где в 1936 году снимал он комнатушку, торжественно открывается мемориальная доска. На черном полированном граните — барельефное изображение героя: из ночной тьмы — к рассвету, из мглы неволи — к вершинам мировой культуры. Изготовлена доска на народные пожертвования... Олег ЛАСУНСКИЙ, писатель.

ВОРОНЕЖ.

НАЙДЕНА МОГИЛА ПОЭТА

Пятьдесят два года никто не знал, как закончил свои дни и где похоронен Осип Мандельштам. Могила его, а вернее, место захоронения только недавно нашел Валерий Михайлович Марков. Приморский краевед, историк, кандидат искусствоведения вел поиск 15 лет.

Лазарет пересыльного лагеря, где 27 декабря 1938 года умер поэт, сохранился до сих пор. Теперь здесь вещевой склад. Вообще лагерная территория не претерпела больших изменений за прошедшие годы: в 1941-м в бараках разместили воинскую часть, находящуюся здесь и поныне. Террасы на склоне сопки, по которым располагались бараки, конечно, уже застроены другими сооружениями, но на месте барака номер 11, где провел последние дни Мандельштам, пусто.

В. Марков сумел восстановить подробности тех дней. 23 декабря — в городе сильный снегопад, северный ветер до 22 мет-

ров в секунду, мороз 18 градусов. Деревянные стены барака толщиной в ладонь. 25 декабря Мандельштам — уже «доходяга» по-лагерному — не смог сойти с нар. 26 декабря его перенесли в лазарет, а на следующий день он умер.

Тела умерших до погребения складывали справа возле лазарета штабелями, как дрова, накаливая «партии». Погребли тело поэта вместе с другими умершими в начале января 1939 года в восьмистах метрах от въезда в зону, на берегу Амурского залива. Как рассказывают, голые тела с бирками на ногах с переполненных телег специальная команда заключенных баграми, крючьями или просто руками сбрасывала в ров и присыпала тонким слоем земли. Через несколько дней картина повторялась...

А. ДЕДОВ.
(Соб. корр. «Труда»)
ВЛАДИВОСТОК.